

Джеймс Уайт

Смертоносный мусор

Джеймс Уайт

Смертоносный мусор

«Public Domain»

1960

Уайт Д.

Смертоносный мусор / Д. Уайт — «Public Domain», 1960

Содержание

1	5
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Джеймс Уайт

Смертоносный мусор

1

Человек, открывший дверь, не стал спрашивать, кто они и что им нужно. Он молча смотрел на капитана Грегори и офицеров, вошедших следом, и ждал. Испуг мелькнул лишь в его глазах, единственной части лица, способной выражать эмоции. Остальное было неподвижной блестящей маской, следствием пластической операции. Но глаза говорили, что он ожидал этот визит, ждал и боялся его долгие годы.

– Вы Джеймс Эндрю Колфилд, – тихо произнес Грегори, – бывший механик грузопассажирского судна «Подсолнечник»? Разрешите войти?

Человек кивнул, и они вошли в комнату.

Грегори сел напротив Колфилда, а его люди, Хартман и Нолан, остались стоять, не спуская глаз с бывшего механика. Они принесли с собой память об искаженных страданием лицах, о хрупких, как стекло, замерзших телах, разбитых искалеченных кораблях – преступной халатности некоторых космонавтов. Лейтенанты Хартман и Нолан держали себя в руках, не давая воли владевшей ими ненависти, ненависти, которую они испытывали к Колфилду и ему подобным. Но и скрывать своей ненависти они не собирались.

– У вас есть выбор, – сказал Грегори. – Вы либо отправляетесь в тюрьму, либо следуете за нами.

После короткой паузы он добавил:

– Разумеется, вы можете обвинить во всем вашего покойного капитана, хотя не уверен, что вам удастся это сделать через столько лет. Предупреждаю, вам грозит суровый приговор. Поэтому советую добровольно помочь следствию и вернуться на место преступления.

– Я лечу с вами, – сказал Колфилд. – Правда, место преступления несколько отдалилось... – не без тени усмешки добавил он.

Хартман угрожающе откашлялся, но Грегори решил, что время взяться за этого человека всерьез еще не наступило. И, не обращая внимания на тон Колфилда, он ответил:

– Мне приходилось слышать, что наше Солнце совершает обороты вокруг центра Галактики, а Галактика в целом тоже движется. Так что я догадываюсь, что точка, в которой находился «Подсолнечник» одиннадцать лет назад, сейчас очень далеко. Но для наших целей мы можем рассматривать Солнце со всеми планетами, лунами, метеоритами и различным мусором, добавленным нами, как единую гравитационную систему. Вам разрешено взять с собой семьдесят фунтов багажа. Решайте, что вы будете брать.

Грегори подумал, что Колфилд больше похож на штурмана, чем на механика. И пожалел, что его пленник в свое время находился не на капитанском мостике, а у реактора. Но он был единственным оставшимся в живых членом экипажа «Подсолнечника», и Грегори вынужден был довольствоваться тем, что есть.

Наблюдая, как Колфилд собирается – он взял с собой в основном технические книги, портрет покойной жены и кое-какие мелочи, – Грегори немало узнал об этом человеке. Многие сказала ему и квартира Колфилда, сказала куда больше, чем заметили полицейские, которым удалось выследить механика. Все это могло пригодиться позже, когда придется покрепче нажать на Колфилда.

– Этот легко согласился, – заметил Нолан, пока Колфилд и Хартман улаживали дела с управляющим домом. – Обычно они сопротивляются. И многие предпочитают тюрьму.

– Может, он любит космос, – сказал Грегори, – и тоскует без него. Ты же знаешь бывших космонавтов. Может, он согласен на любые условия, только бы побывать там снова.

– Если бы он обожал космос, – проворчал Подан, – он бы не сделал так, чтобы закрыть его для себя навсегда.

Простого ответа здесь не было...

По дороге к космопорту Грегори молчал. Он думал о квартире, которую они только что покинули. Книжные полки свидетельствовали о том, что Колфилд старался не отставать от жизни, что он страстно интересуется всем относящимся к космическим полетам, не ограничиваясь своей специальностью. Обстановка квартиры при всей ее скромности не лишена была женского вкуса. Но пыли по углам такая женщина не допустила бы. Грегори узнал от полицейских, что жена Колфилда умерла два года назад, однако Грегори был убежден, что ни одна вещь в квартире с тех пор не поменяла своего места, а хозяин старался поддерживать прежний порядок.

Интеллигентный, чувствительный тип, свято хранящий память о жене, решил Грегори. Надо будет учесть это при допросах.

Перед главными воротами им пришлось задержаться, пока охрана проверяла пропуск. Один из мелких торговцев, что всегда ошиваются там, увидев гражданский костюм Колфилда, попытался всучить ему пакет чайного листа, якобы привезенного с Ганимеда. Вполголоса, но с таким знанием тонкостей языка, что даже Хартман прислушался, заключенный объяснил торговцу, что он думает о его товаре. Он перешел к не менее изысканному объяснению, что следует сделать с этими листьями, но тут охранник велел машине проезжать.

На поле им дважды пришлось останавливаться на красный свет, ожидая, пока поднимется пассажирский катер, но в конце концов они добрались до своего катера, который должен был доставить их на «Декарт». Не прошло и трех часов с того момента, как они постучали в дверь Колфилда, а их корабль был уже в космосе.

Патрульный корабль «Декарт» был крупным судном, но при необходимости он мог совершить посадку непосредственно на планету и потому был снабжен большими стабилизаторами, а обтекаемые линии корпуса делали его похожим на грузовые межпланетные ракеты. Почти все свободное пространство внутри было занято баками с горючим для посадочных двигателей, а что оставалось, занимали реактор и электронное оборудование с богатым набором измерительных и следящих приборов, так что жилые помещения были тесными и не очень комфортабельными. Но Грегори гордился своим кораблем.

На мостике их ждал лейтенант Аллен. Он коротко и недружелюбно взглянул на Колфилда, кивнул Хартману и Нолану, затем доложил капитану, что на корабле, находящемся на двухтысячечемильной орбите, все нормально. Получено несколько сигналов, не представляющих интереса, за исключением сообщения, касающегося преступной халатности членов экипажа «Цербера», о чем сообщил пассажир корабля после его приземления.

– Не доверяю сообщениям пассажиров, – сказал Грегори раздраженно. – Даже в тех случаях, когда они искренне полагают, что заметили нечто неладное, их информация оказывается плодом недоразумения. Мы проверяли «Цербер», и я уверен, что это чистый корабль.

Раздражение Грегори отчасти объяснялось тем, что случай с «Цербером» вынуждал отложить допрос Колфилда. Дело о дрейфе «Подсолнечника» было настолько неотложным, что Грегори испытывал нетерпение. Хотя, может, и неплохо, если Колфилд помается в ожидании расследования.

– Хорошо, Аллен, – сказал он наконец. – Мы проверим сигнал. Вы свободны. Желаю приятного отпуска.

– Спасибо, сэр, – ответил Аллен и поспешил перейти на катер, который только что доставил на борт Грегори.

Хартман занял кресло штурмана. Нолан устроился у пульта механика, Грегори уселся на свое место между ними и чуть сзади, откуда мог наблюдать за всем. Колфилду досталось одно из пассажирских кресел возле иллюминатора. Хартман заложил в компьютер параметры их орбиты относительно курса «Цербера» и скорректировал оптимальный курс. Он передал данные Нолану, который взглянул на капитана. Тот кивнул.

– Закрепите ремни, – произнес Нолан. – Двенадцать с половиной секунд при 2 "g".

Разворачивая корабль, взвыли гироскопы. За ними после короткой паузы, вжав людей в кресла, взревели и смолкли импульсные реактивные двигатели. Казалось, прошло куда больше двенадцати секунд. Теперь оставалось только ждать, когда «Цербер» появится на экранах, и подстроиться к его скорости. Это произойдет через двадцать семь минут.

Все это время Грегори делил свое внимание между пленником и светлыми точками других кораблей на экране. Несмотря на возросшее за последние годы число космических путешествий, свободных орбит вокруг Земли хватало на всех. Но находясь на орбите, всегда можно было видеть по крайней мере два-три других корабля.

На мостике нарастало напряжение. И, глядя на Колфилда, ощущая, как медленно тянутся минуты, Грегори не удивился неожиданному взрыву.

– Чего вы ждете! – закричал Колфилд. – Хотите задавать вопросы, так задавайте! Начиная с самых легких: какова была точная позиция «Подсолнечника» в 16 часов 3 минуты двенадцатого августа одиннадцать лет назад? Не был ли я случайно голоден в тот момент, а может, я пил чай? А что случилось с грязной посудой?..

Лейтенант Нолан снова откашлялся, но продолжал глядеть на свой пульт. Колфилд замолчал.

Грегори сказал спокойно:

– В целом вы рассуждаете верно, Колфилд. Но за одиннадцать лет техника допроса шагнула довольно далеко вперед. Мы располагаем медикаментами, которые позволят вам точно вспомнить...

– Нет! – Колфилд был испуган.

– Согласно закону, я не могу употреблять эти средства без вашего согласия, – продолжал Грегори. – Но советую задуматься о последствиях, если вы откажетесь с нами сотрудничать. В конце концов, никакого вреда вашему мозгу эти средства не принесут.

– Нет!

– Будьте наконец реалистом! – резко сказал Грегори. – То, что вы женились на вдове капитана вскоре после его смерти, нам уже известно. И это может быть важно для следствия. Но мне нужны конкретные данные. Все остальное, что я узнаю во время сеанса, меня совершенно не интересует и к тому же не подлежит разглашению.

Колфилд принялся яростно доказывать, что в его личной жизни не было ничего способного заинтересовать следователя. И в потоке оправданий Грегори уловил некоторые детали, ранее ему неизвестные и позволявшие лучше понять личность Колфилда и побудительные мотивы его действий.

Когда Колфилд лежал в госпитале после случая с «Подсолнечником», вдова капитана часто его навещала, расспрашивая о своем муже. Очевидно, оба они нуждались в утешении и сочувствии, так что в конце концов сблизились. Но новая жена Колфилда уже потеряла одного мужа в космосе и потому взяла с Колфилда слово никогда более не покидать Землю. Ему пришлось несладко, но ради жены он твердо держался своего слова. До тех пор, пока...

– Сближаемся с «Цербером», – объявил Нолан. – Десять секунд перегрузки. Надеть ремни.

Когда торможение кончилось, за иллюминатором возник «Цербер». До него было менее четверти мили. Колфилд застыл от изумления.

Резко освещенный солнцем и светом, отраженным от облачного слоя внизу, большой грузовой корабль выглядел весьма необычно. Три громадных шара «Цербера», соединенные коридорами, скрывались под слоем густой растительности. Корабль буквально зарос цветами, травой, кустарником, вьющимися растениями. Побегι плюща обвивали антенны и перископы, яркие пятна цветочных клумб живописно оттеняли зелень холмов, камыши окружали иллюминаторы, будто гладь небольших прудов. Даже оставленные свободными участки чистого металла были раскрашены так, что это не нарушало общей картины. С точки зрения Грегори, сады «Цербера» были слишком стилизованны, что свидетельствовало о недостатке воображения, но, как и капитан корабля, чьи вкусы они отражали, они производили впечатление своей основательностью и некоторым консерватизмом.

– Вы этого уже не застали, – сказал Грегори Колфилду. – Может, вам приходилось видеть изображения подобных садов, но взглянуть на такой сад собственными глазами всегда интересно.

Грегори обернулся к Хартману и приказал:

– Сообщи, что мы переходим к ним на борт. Пока не вернемся, не покидай мостика. Нолан, надень скафандр. Ты идешь со мной. И вы, Колфилд.

2

Пленник казался неуверенным в себе, когда они покинули корабль, но Грегори за него не беспокоился. Ни один космонавт не забудет, как вести себя в невесомости. Все равно как нельзя разучиться плавать или ездить на велосипеде.

Высадившись на поверхности «Цербера», они, прежде чем войти в люк, решили посмотреть сад. Колфилд плелся сзади.

Грегори отвлекся от рассматривания искусственных растений и спросил:

– Вы знаете, почему на кораблях устраивают сады?

– Ничего удивительного, – голос Колфилда в шлемофоне звучал тихо и глухо. – Уже в мои дни клаустрофобия среди пассажиров и команд была серьезной проблемой. Особенно в дальних рейсах. На кораблях мало свободного места, и это всегда ведет к клаустрофобии и неврозам. Если вспышка невроза выйдет из-под контроля, это не менее опасно для корабля, чем взрыв реактора. В то же время вокруг корабля избыток простора, который не только способен излечить любую клаустрофобию, но и вызвать агорафобию, боязнь открытого пространства. Надо было отыскать среднее между двумя фобиями, – продолжал Колфилд. – И выход был найден в превращении внешней оболочки корабля в сад. С одной стороны, это интересное занятие для команды в долгом пути, с другой – возможность для человека, если уж ему стало не по себе в тесном внутреннем помещении, выйти наружу и убедить себя, что он сидит ночью в земном саду и любуется звездами. Разумеется, сходство условно, но оно дает облегчение подсознанию. Нетрудно обмануть человека, если он этого хочет, так что садовая терапия в большинстве случаев оказывалась эффективной.

– Вы правы, – Грегори постарался не показать удивления. Несмотря на искажения шлемофона, в голосе Колфилда звучали авторитарные нотки. «Странный механик», – подумал Грегори.

Приглядевшись, можно было понять, что участки травы в саду представляют собой тонкий слой умело раскрашенного пластика, который не мешал подошвам цепляться за намагниченную поверхность корабля. Пластиковыми были и цветы, и кусты, посаженные через каждые десять ярдов. На изнанке одного из пластиковых листьев Грегори увидел буквы – сквозь краску проступало название продовольственной фирмы.

Растения были надежно прикреплены к корпусу. Грегори даже подергал какой-то цветок, чтобы в этом убедиться.

– Помимо психологического эффекта, – сказал он Колфилду, – сад служит дополнительной защитой от метеоритов. В то же время при сооружении таких садов должны соблюдаться строгие правила. Недопустимо, чтобы метеорит мог вырвать клочок сада, создав опасность...

– Я знаю об этих правилах, – сказал Колфилд.

– Я в этом не сомневаюсь, – сухо ответил Грегори, – учитывая, сколько вы их нарушили.

Он поглядел на крутой холмик, спрятавшийся между кустами, которые скрывали радарные антенны, и добавил:

– Пошли внутрь.

Капитан Стиллсон, крупный, полный человек, выглядевший нелепо в шортах, обычной одежде в космосе, не скрывал беспокойства. Капитан «Цербера» бывал по-женски суетлив, но Грегори симпатизировал ему по той простой причине, что тот был аккуратистом. И чем больше будет таких капитанов, тем меньше забот для Грегори.

– Добрый день, капитан, – приветствовал его Грегори. – Как ваш сад растет?

– Медленно, – ответил капитан. – Теперь, когда мы установили новый преобразователь отходов, меньше стало сырья для цветов. Хотите взглянуть?

– Потом, – ответил Грегори. – Сначала я хотел бы расследовать жалобу о преступной халатности...

Дружеская атмосфера на мостике мгновенно исчезла. Как будто кто-то впустил снаружи вакуум. После секундной растерянности Стилсон потребовал подробностей и пожелал узнать, кто тот низкий лжец, который клеветает на его корабль.

Грегори ознакомил капитана с жалобой, и тот вызвал подозреваемых. Оба, радист и механик, были настороже, но опыт подсказал Грегори, что они не виноваты. Но он мог и ошибиться...

– Обвинение заключается в том, – сказал Грегори, – что два дня назад, находясь на поверхности корабля, одна из вас выкинул в пространство предмет или несколько предметов неизвестного назначения. Что вы можете сообщить по этому поводу?

Обоим космонавтам было что сообщить, и уже в начале допроса Грегори убедился, что они совершенно невиновны, но, несмотря на это, еще полчаса продолжал допрос. Он заставил их повторить свой рассказ несколько раз, придираясь к деталям. С одной стороны, он проводил этим наглядный урок для Нолана, с другой – хотел показать внимательно слушавшему Колфилду, что, когда придет его черед, врать будет бессмысленно. К тому же ему хотелось, чтобы у Колфилда не оставалось заблуждений относительно того, что законы против мусора в космосе остались такими же либеральными, как в давние дни. Так что Грегори заставил попотеть радиста и механика и наконец, будто с сожалением, позволил им убедить себя, что при ремонте антенны им было необходимо забрасывать к ее вершине, которая находится в ста ярдах над поверхностью, тросик с грузом на конце. Изнутри корабля могло показаться, что они выбрасывают что-то в пространство.

Отпустив космонавтов, Грегори отправился осматривать новый преобразователь отходов и мусоросборники. Занимаясь инспекцией, он подумал, что полицейскому кроме необходимости быть психологом, астрономом, кибернетиком и так далее полезно пройти курс самой элементарной сантехники.

Вернувшись на «Декарт», Грегори решил, что имеет право поспать. Он задал Хартману направление, показал Колфилду его каюту и только успел улечься на койку, как вспомогательные двигатели загудели, меняя орбиту корабля. Капитан никак не мог уговорить свое тело, что оно устало и хочет спать.

Грегори думал о бывшем механике Колфилде, который лежит в двух футах от него, отделенный лишь тонкой пластиковой переборкой. В глазах Грегори не было большой разницы в том, был ли сам Колфилд виноват в преступной халатности, или в этом был виноват экипаж корабля, или покойный капитан «Подсолнечника». Преступление, совершенное на «Подсолнечнике» одиннадцать лет назад, уже послужило причиной гибели одного корабля и восемнадцати человек, и этот счет жизням будет продолжаться в ближайшие годы, а может быть, и столетия. Масштабы жертв будущего будут зависеть от трех причин: от того, сколько знает Колфилд, сколько он сможет вспомнить и насколько эффективно он, капитан Грегори, сможет использовать информацию, полученную от Колфилда.

Ответственность, лежавшая на Грегори, была достаточно тяжелой, чтобы отогнать сон. К тому же Грегори сознавал, что, если хоть одна из этих трех причин окажется ему не под силу, он может погибнуть.

Полтора столетия назад, в пятидесятые годы двадцатого века, этой проблемы вообще не существовало. За исключением микрометеоритных потоков и редких метеоритов, космос был чистым, пустым и относительно безопасным. Затем появились первые спутники, за ними космические лаборатории и наконец гигантские многоступенчатые корабли, которые перенесли человека к Луне и ближайшим планетам. Все корабли в те дни были реактивными, и потому проблема излишнего веса была самой насущной.

Ничто не сохранялось на кораблях ни секунды после того, как в этом проходила нужда. Резервные баки для горючего, контейнеры для пищи, органические и неорганические отходы, которые нельзя было использовать вновь, выбрасывались, чтобы облегчить корабль. Лишние полтонны горючего, особенно при вынужденной посадке, могли спасти корабль. Нехватка горючего для маневра вела к тому, что корабль становился зарывшимся в землю саркофагом для экипажа.

Так что все выбрасывалось. Быстро, автоматически, бездумно.

Мания избавляться от лишнего веса сохранилась и после того, как в этом пропала нужда. Появление атомных кораблей, которым не надо было приземляться и которые обслуживались баржами и катерами, перевозившими на орбиту грузы и пассажиров, придало проблеме лишнего веса только экономический характер. От этого теперь не зависела судьба корабля и экипажа. Но и экономические соображения перестали играть роль с разработкой новых типов реакторов и топлива. А обычай остался. В течение восьмидесяти с лишним лет, последовавших за первым полетом человека к Марсу, межпланетная торговля становилась все более рентабельной. Быстро растущие колонии на Марсе и Венере, научные базы на спутниках Юпитера и Сатурна вели все более интенсивный обмен с Землей. Постепенно число межпланетных кораблей превысило тысячу; и все эти корабли, и многие тысячи членов их экипажей во всех полетах непрерывно совершали поступки, которые теперь караются как самые тяжкие преступления!

Грегори повернулся на койке, которая при полуневесомости в корабле казалась мягкой, как облако, и беспомощно выругался. Ведь никто ничего им не говорил!

Задумайтесь о составе и методе выброса обычного помойного ведра. И представьте, что случится с мусором после того, как он попал в безвоздушное пространство...

Объедки, картофельная кожура, пластиковые консервные банки, тубы для питания в невесомости, спитой чай, кристаллы сахарного песка... Стюард или свободный от вахты космонавт вытащит контейнер с мусором к входному люку, натянет скафандр, выйдет наружу и несколько минут подождет. Эти минуты нужны для того, чтобы жидкость полностью испарилась из объедков и помойное ведро стало совершенно чистым. Ведь мыть посуду в космическом корабле, в невесомости, – пустая трата воды и усилий, куда экономичнее вакуумная чистка. Затем стюард просто высыплет мусор в пространство. Правда, ему придется поднатужиться, чтобы мусор отлетел подальше. Ведь в космосе предметы в свободном падении стремятся приблизиться к крупной массе. А если корабль облепят картофельные очистки, пассажиры будут недовольны. Не говоря уже о капитане корабля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.